

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ
ДИРЕКТОР ФОНДА
НАЦИОНАЛЬНОЙ
ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ

Константин Васильевич
Симонов

Хорошо известно, что российская внешняя политика весьма плотно завязана на энергетическую тематику. И в этом нет ничего плохого, если учесть объем доказанных запасов нефти и газа, которыми располагает Россия. Но это вовсе не означает, что Россия использует энергетику как оружие. В этом парадоксальность восприятия России нашими европейскими партнерами, которые считают, что Россия пытается увеличить объем поставок в Европейский союз только для того, чтобы затем шантажировать ЕС возможностью перекрытия нефтяной и газовой труб. Но вряд ли основная задача России заключается в уничтожении Европы как цивилизации через лишение ее доступа к энергоносителям. Такая историческая миссия России выглядит по меньшей мере странной. На самом деле Россия хотела бы, чтобы ее политические партнеры находились прежде всего там, куда идут основные поставки энергоносителей. Европа же хочет, чтобы ситуация напоминала период холодной войны, когда Советский Союз поставлял нефть и газ своим европейским политическим противникам.

Сегодня логика «бизнес отдельно, политика отдельно» не сможет работать. По двум принципиальным причинам.

Первая заключается в том, что ранее европейские компании не участвовали в добычных проектах на российской территории, а российские кон-

церны не владели собственностью в европейском downstream. Сейчас же отношения вышли за рамки банальной схемы «продавец-покупатель». Вы можете враждовать с вашим соседом, но при этом покупать у него картошку на рынке. Но ситуация изменится, если вы будете помогать ему ее выращивать и собирать, а он будет не только продавать ее вам, но и помогать развозить ее по родственникам. Переплетение российских и европейских компаний становится все более тесным – в этих условиях возможность для политических конфликтов сокращается.

Вторая причина заключается в том, что по мере усиления ресурсного голода проблема поставок углеводородов не может не приобрести политическую окраску. Надежность поставок становится вопросом политического выживания государств, и поэтому крупные экономические державы предпочитают покупать углеводороды у своих политических союзников. Или же превращать поставщиков в таковые. Поведение Европы по отношению к России сейчас выглядит прямо противоположным образом. Но на самом деле нужно понимать, что образ России как врага Европе активно формируют Соединенные Штаты Америки. Именно США активно лоббируют проекты транзита углеводородов из Центральной Азии и Каспия в Европу минуя российскую территорию. США пытается подсказать Европе сомнительную логику поведения. Ее суть заключается в следующем: Россия – ненадежный поставщик, который к тому же будет шантажировать Европу сокращением поставок углеводородов. В качестве альтернативы предлагается Центральная Азия, где якобы есть огромные запасы. В крайнем случае, США обещают решить проблему дефицита газа в Европе весьма необычными способами – например обещаниями в будущем поставлять сжиженный газ из Америки в ЕС.

Но на самом деле многие европейские политики сомневаются в необходимости обострения конфликта с Россией. Весьма сдержанной была реакция

на войну в Грузии. Европейские лидеры по-прежнему частые гости в Москве. А еще лучше понимает пагубность ссоры с Россией европейский бизнес. Можно привести только некоторые примеры успешного совместного сотрудничества.

Но если ЕС все же воспримет предлагаемую США схему, то тогда неизбежно будет менять и внешнеполитический вектор сама Россия – от ставки на диалог с Европой мы начнем переходить на выстраивание тесных энергетических отношений с Китаем. Конечно, речь не идет о полной замене экспорта в Европу на Китай – тем более что нас пока даже не связывают нефтепроводы и газопроводы. Но даже начало роста поставок будет означать политическую переориентацию страны.

ДВА НОВЫХ ПОЛЮСА

Призрак новой холодной войны заставил вернуться к теме разделения на два лагеря – проамериканский и антиамериканский. Но, думается, это все же надуманный подход. Старое «доброе» противостояние между социализмом и капитализмом уже невозможно. Однако это вовсе не означает, что разделительные линии в мире исчезли. В условиях усиливающегося углеводородного голода все более явным становится разграничение мира Upstream и мира Downstream. А если быть более точным, на тех, у кого есть запасы углеводородов, и тех, у кого в этом плане серьезные проблемы. При этом последняя категория стран и является основным потребителем энергоресурсов.

Конечно, немаловажным вопросом является проблема цены на нефть. Или, если быть более точным, вопрос об уровне спроса на углеводороды. Именно прогноз потребления весьма важен с точки зрения геополитического расклада. Ведь если спрос будет меньше предложения, тогда полностью будет разрушена предпосылка о том, что богатые запасами страны смогут диктовать свою волю.

Потребление нефти и газа в мире растет достаточно быстро. Чего нельзя сказать о производстве. В 2007 году, по данным BP, в мире потребление нефти выросло на 1,1%, а производство упало на 0,2%. Потребление газа в мире увеличилось на 3,1%, производство – на 2,4%. Отрасль вступила в новую фазу своего развития, которая характеризуется следующим:

- практически полностью исчерпаны перспективные районы добычи с дешевой по себестоимости нефтью и газом;
- регионы, где все же это можно делать, имеют высокую степень политического риска (Иран по газу и Ирак по нефти);
- наиболее промышленно развитые страны не обладают значительным объемом ресурсов. В странах Европейского союза это привело к серьезному падению добычи нефти и газа, продолжающемуся уже несколько лет. В США быстрыми темпами растет добыча газа (в 2007 году – на 22

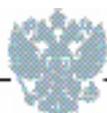
млрд. кубометров), но доказанных запасов углеводородов довольно мало;

– отрасль стремительно стареет, не хватает квалифицированных кадров, что не позволяет слишком активно вводить в строй новые месторождения.

Таким образом, ситуация, когда предложение нефти превышает спрос, что наблюдается сегодня, не будет вечной. Картина может измениться уже через несколько лет. Тем более что не снята главная предпосылка роста потребления электроэнергии – стремительный рост численности населения планеты. Сейчас на Земле живет порядка 6 млрд. людей, причем более 3 млрд. человек живет в городах, где уровень потребления энергоресурсов существенно выше. Да, экономический кризис заставит людей экономить в том числе и на электроэнергии. Но ожидать обвального падения потребления энергоресурсов не приходится. Гедонистическое общество потребления на Западе не спешит сдавать свои позиции. А на Востоке население растет так стремительно, что потребление электроэнергии и топлива будет расти. Таким образом, мировой экономический кризис, может, и несколько отложит наступление серьезного дефицита энергоресурсов, но сам вектор развития человечества не изменит.

Богатые ресурсами страны несколько лет назад осознали, что состояние глобальной энергетики играет им на руку. Мир Upstream получил свои козыри. С повышением цены на углеводороды начался процесс ужесточения условий работы на их территории компаний, основные акционеры которых проживают на территории мира Downstream. Этот процесс вызвал неприятие у последних – был даже придуман термин «ресурсный национализм». По сути, это идеологически оформленное обвинение в адрес богатых ресурсами стран по поводу новых условий работы. Тем не менее явно наметилась тенденция – нерезиденты не получают уже масштабных налоговых льгот, соглашения о разделе продукции перестали быть массовым и повсеместным явлением, иностранным компаниям предлагают в основном миноритарное владение долями в проектах, нередки случаи банального отъема активов.

Кроме того, в богатых ресурсами странах резко выросли и политические риски. Речь идет не только об угрозе национализации активов. Внутри государств резко обострилась борьба за распределение природной ренты. Выражается это в активизации различных повстанческих движений (прежде всего в Африке – самым известным случаем является нигерийское «Движение за освобождение дельты Нигера», которое 14 сентября 2008 года объявило новую войну иностранным компаниям, работающим в стране). Кроме того, наблюдается обострение конфликтов между федеральными правительствами и регионами, богатыми углеводородами (прежде всего в Латинской Америке). На некоторые богатые углеводородами страны оказывается внешнее давление – например, обостряется ситуация вокруг Ирана – обладателя 15,7% доказанных запасов газа.

Но при этом ряд ресурсообеспеченных стран (прежде всего государства Персидского залива и Россия) за счет роста стоимости нефти сумел накопить в суверенных фондах значительные инвестиции, которые стали вкладывать в активы стран Downstream. К ним присоединился и Китай, заработавший значительные суммы на торговле товарами широкого потребления.

Это наступление вызвало нешуточную тревогу на Западе. Покупки начали приобретать массовый характер, причем некоторые страны стали делать вложения в имиджевые вещи (например, покупка столицей эмирата Абу-Даби английского футбольного клуба Manchester City), которые спровоцировали панику не только у элит, но у обывателей.

В итоге инвестиции суверенных фондов были объявлены «плохими» и «политически мотивированными». По сути, вслед за «энергетическим оружием» появилось и «инвестиционное оружие». Мир Downstream стал в спешном порядке закрывать свои отрасли от внешних инвесторов. В массовом порядке начались ужесточения законодательства, инвесторам стало необходимо получать санкцию в политических органах. Таким образом, страны Downstream дали «ресурсным националистам» симметричный ответ. Особенно жесткими оказались условия инвестирования в энергетику – мир Downstream не хочет дать миру Upstream возможность удлинить производственную цепочку и получить за счет этого дополнительную прибыль.

ПРИСТУПЫ УГЛЕВОДОРОДНОГО ГОЛОДА

Страны из мира Downstream оказываются в непростой ситуации. Так, США являются крупнейшими потребителями энергоресурсов в мире. И останутся ими, несмотря на кризис. Соединенные Штаты вынуждены импортировать большое количество углеводородов из-за рубежа, прежде всего из стран Персидского залива. Сейчас США в месяц импортируют нефти почти на 20 млрд. долларов.

Но у Америки есть козырь – Канада. Она при необходимости может закрыть серьезную часть потребностей США в электроэнергии. Уже сейчас из Канады в США поставляется, согласно данным ВР по итогам 2007 года, 107 млрд. кубометров газа (в 2006 году – 99,75 млрд. кубометров). Поставки же СПГ существенно меньше: 21,8 млрд. кубометров из всех регионов (главный поставщик – Тринидад и Тобаго). Всего импорт газа в 2006 году составил более 130 млрд. кубометров. Но, по прогнозам западных аналитиков, импорт сжиженного газа в США вырастет стремительными темпами уже к 2030 году. Ведь и общий импорт будет расти гигантскими темпами – по оценкам Управления энергетической информации при правительстве США, в 2025 году США придется импортировать 270 млрд. кубометров газа. Кризис повлияет на эту цифру, но тенденцию не изменит.

По нефти такой же независимости США обрести пока не удастся – из Северной и Центральной

Америки в 2007 году было завезено 127 млн. тонн, а с Ближнего Востока – 110 млн. тонн. Еще 135 млн. тонн было поставлено из Африки. Всего же США в 2007 году импортировали 671 млн. тонн нефти – рекордный показатель.

Таким образом, США сами добывают серьезное количество нефти и газа, а также делают ставку на тяжелую нефть Канады и ее газовые запасы. Однако все равно они будут наращивать зависимость от импорта из дальних регионов и станут локомотивом новой колонизации.

Потребление углеводородов в США растет самыми высокими темпами в мире. Поэтому у страны растут политические углеводородные риски. Не случайно в 2006 году президент США Джордж Буш пообещал на три четверти сократить импорт нефти из стран с нестабильными режимами к 2025 году. Прежде всего имелись в виду страны Персидского залива. Правда, можно расценивать это не как сигнал к диверсификации источников поставок, а как сигнал к демократизации региона.

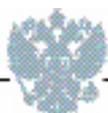
В гораздо худшем положении окажется Европа. По данным европейских экспертов, к 2030 году зависимость ЕС от импорта углеводородов вырастет с 50 до 65%. По нефти рост составит с 82 до 93%, по газу – с 57 до 84%. Российские эксперты рисуют примерно ту же картину, считая, что зависимость от импорта энергоносителей Евросоюза к 2030 году может приблизиться к 70%. Импорт нефти может вырасти до 90%, импорт газа – до 70%, угля – до 70%.

Сегодня доля Западной Европы в потреблении нефти уже составляет 22%. В экономической зоне ЕС расположено лишь 3,5% мировых доказанных запасов газа и менее 2% доказанных запасов нефти. А нефтегазовые месторождения эксплуатируются там гораздо интенсивнее, чем в других регионах мира, что ведет к быстрому истощению ресурсов.

При этом Европейский союз оказывается в очень серьезной зависимости от России как по поставкам нефти, так и по поставкам газа.

Поскольку зависимость от импорта будет увеличиваться катастрофическими темпами, ЕС вынужден будет вести агрессивную внешнюю энергетическую политику. Зонай первого удара окажется Россия – ЕС неизбежно будет требовать преференций для своих компаний по допуску в сегмент добычи углеводородов, обвиняя Россию в недемократичности и пытаясь создать единый европейский фронт по борьбе с Россией (что, по большому счету, уже происходит). Также объектами наступления станут Север Африки (географически удобный для поставок в ЕС) и Ближний Восток, важный как из-за нефтяных поставок, так и из-за расширения импорта сжиженного газа в ЕС.

Далека от оптимальной ситуация с энергобезопасностью в таких странах, как Япония и Южная Корея. Потому что запасы энергоресурсов у этих стран минимальны. Отсюда и большой объем импорта. По данным ВР, Япония импортировала в 2007 году 248 млн. тонн нефти и 88 млрд. кубометров га-

за. При этом, например, потребление газа составило 81,2 млрд. кубометров – то есть почти весь потребленный газ был импортирован. Зависимость от импорта газа особенно опасна. Ведь если потребление нефти и угля плавно снижается (-3,7 и -1,8% в 2006 году), то с экологически чистым газом ситуация обратная (+7% в 2006 году, +7,8% в 2007-м). Газ – единственная замена нефти, от которой Япония, по признанию министерства экономики и промышленности этой страны, все еще зависит на 50% (а 90% нефти поступает с Ближнего Востока). Газ Япония может получать только танкерами-метановозами. Единственный реальный трубопроводный проект – это Сахалин. Поэтому Япония с таким вниманием и смотрит на развитие ситуации в России, которая является уникальной страной, поскольку ее территория позволяет эффективно доставлять газ как в Европу, так и в Азию.

Ситуация в Южной Корее также драматична – запасов нефти в стране практически нет. Есть одно собственное месторождение природного газа на шельфе, но оно покрывает 2% всего уровня потребления. К 2015 году потребление сжиженного газа в Южной Корее может удвоиться – соответственно, резко вырастет и его импорт.

Кроме того, на рынке появились все более активные государственные компании Индии и Китая. Вообще, государственная собственность в нефтегазовом бизнесе прежде всего характерна для стран, которые обладают хорошей ресурсной базой. А ведь в Китае и Индии наблюдается серьезный дефицит собственных углеводородов. Главная задача китайских и индийских компаний – скупать добычные активы за рубежом с целью решения проблемы собственной энергетической безопасности. Кстати, и на Западе в последнее время наблюдается усиление государственных компаний. Особенно это заметно в континентальной Европе – прежде всего в Италии (где доминирует государственная Eni) и Франции (Total, Gas de France).

Таким образом, Китай и Индия сегодня уверенно становятся в ряды колонизаторов, потому что сталкиваются с той же проблемой, что и политический Запад (куда мы включаем ЕС, США, Японию и Южную Корею). Ведущие экономики оказываются в серьезной зависимости от импорта. Основной рост импорта нефти сейчас приходится на Китай – только в 2007 году он импортировал 182 млн. тонн. В настоящее время Китай является третьим в мире по объемам импорта сырой нефти, уступая лишь США и Японии. При этом разрыв между добычей и потреблением становится все более ощутимым.

КИТАЙСКИЙ МАРШРУТ

Китайская экономика сегодня динамично развивается. Потребление нефти в КНР за последние 40 лет увеличилось более чем в 25 раз и составляет 8,55% от

мирового. Потребление газа увеличилось на 21,6%. С 1991 года КНР увеличила свою долю в мировом энергобалансе почти вдвое – с 9 до 16%, вплотную приблизившись к Европе (18%) и крупнейшему потребителю – США (21%). Именно Китай и другие страны Юго-Восточной Азии и будут толкать вверх спрос на энергоресурсы. По оценкам администрации США, Китай к 2030 году станет вторым потребителем энергии в мире (42 трлн. кВт·ч) после США (47 трлн.), европейские экономики сильно отстанут.

Начал Китай завозить и уголь, что является важнейшим признаком фактически неизбежного энергетического голода. Скоро Китай начнет в серьезных объемах импортировать и газ. Так что вывод ясен – ситуация в энергетике становится для Поднебесной все более и более драматичной.

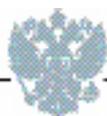
По статистике ВР, в 2007 году Китай добыл нефти на 1,6% больше по сравнению с 2005 годом, а вот потребление увеличилось на 4,1% по сравнению с 2005 годом. В течение многих десятилетий Китай обходился собственными природными запасами нефти, но в 1990-е годы страна была вынуждена начать покрывать дефицит сырья за счет импорта. Кроме того, Китай является и импортером нефтепродуктов.

Пока Китай производит газа больше, чем потребляет, его импорт весьма ограничен и, скорее, носит характер отработки логистических цепочек. Китай импортирует сжиженный природный газ в объеме 1 млрд. куб. м из Австралии. В 2006 году Китай добыл газа 69,3 млрд. куб. м при уровне потребления в 67,3 млрд. куб. м. Но, несмотря на фантастический прирост в добыче газа, потребление растет еще быстрее. В 2007 году рост добычи составил 11%, а потребления – 19,9%.

По информации министерства торговли КНР, более половины потребности Китая в нефти через 1–2 года будет покрываться за счет импорта. Факторами роста импорта нефти являются быстрое развитие китайской экономики и рост объема переработки сырой нефти.

Китайские эмиссары в поисках допуска к добычным проектам разбрелись по всему миру – включая Африку и Латинскую Америку. Но общая ситуация играет против Китая. Свободных запасов очень мало, а транспортировка из традиционных регионов добычи нефти и газа связана с серьезными рисками, в том числе и политическими. Импорт нефти к 2020 году может достигнуть 250 млн. тонн в год. А импорт газа – от 80 до 160 млрд. кубометров, согласно оценкам Международного энергетического агентства. И совершенно не ясно, где Китай сможет найти такие объемы.

Так, Китай активно пытается выйти на рынок сжиженного газа – называются проекты закупки СПГ в Австралии, Нигерии, Омане, Малайзии, Индонезии. Но на самом деле рынок СПГ очень конкурентный – сомнительно, что к 2011 году Китай сумеет найти на нем свободные мощности более 10–15 млрд. кубометров. Тем более что есть давно уже вышедшие на него Япония и Южная Корея, а возможности роста

производства газа в Индонезии и Малайзии исчерпаны. Есть надежды на трубопроводные поставки – из Мьянмы и Туркмении. Но в Мьянме велики политические риски. А договоренности о поставках 30 млрд кубометров из Туркменистана из месторождений в районе Амударьи могут оказаться неосуществимыми. Нет достоверных данных геологоразведки этого района. Кроме того, Китай столкнется с сопротивлением Европы, весьма рассчитывающей на туркменский газ. Ведь новый президент Туркмении Гурбангулы Бердымухамедов демонстрирует неожиданную активность и симпатии по отношению к Европе. Его самого и представителей Туркмении теперь постоянно можно увидеть на различных нефтегазовых мероприятиях в Европе, что для Китая скорее является тревожным сигналом.

Получается, что Россия является чуть ли не единственным спасением Китая от энергетического голода. Тем удивительнее постоянно встречаемые «экспертные мнения» о том, что масштабному экспорту нефти и газа в Китай мешает жесткая позиция КНР по вопросам стоимости ресурсов и формуле цены. Это удивительно потому, что если в данных словах есть доля правды, то Китай, получается, добровольно сует голову в энергетическую петлю.

У меня лично из общения с китайскими экспертами и политиками сложилось полное ощущение, что КНР готова к гибкости в ценовом вопросе. Значит, на самом деле Россия еще не приняла решения относительно необходимости экспорта нефти и газа в Китай. И это решение не связано с экономикой. Оно будет полностью политически мотивированным. Ситуация в российском добычном сегменте ясна – с одной стороны, колоссальные запасы и перспективные проекты. С другой стороны, исчерпание введенных в действие еще в советское время месторождений. В этом плане нефтегазовая отрасль сталкивается с необходимостью срочного запуска принципиально новых проектов и создания новых центров извлечения углеводородов. Это потребует инвестиций, технологий, а, главное, времени.

Мы видим, что инвестиции нефтегазовых компаний уже выросли в последнее время на весьма значительные суммы, а добыча практически не увеличивается. В 2007 году по нефти рост добычи составил 2,1%, а по газу наблюдалось падение на 0,5%. Это означает, что нарастить добычу газа и нефти до 2015 года не удастся. Поэтому новые рынки не удастся завоевать при помощи дополнительных объемов нефти и газа. Если мы хотим продавать нефть и газ Китаю, мы должны снять эти объемы с европейского направления. А это уже политический выбор. По сути, начало серьезного энергетического сотрудничества с Китаем будет означать разворот во внешней политике России. Так что ключевой вопрос в том, готова ли Россия к подобным изменениям. Пока европейский вектор в нашей энергетической политике (а значит, и во всей внешней политике) преобладает. Именно это, а не вопрос цены, и является глав-

ным препятствием к экспорту российских углеводородов в Китай.

ДРАМАТИЧНЫЙ ВЫБОР

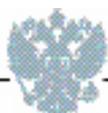
Сколько бы мы ни говорили про диверсификацию экономики, про инновации, ясно одно – Россия, исходя из ее ресурсов, останется основным поставщиком углеводородов на мировые рынки. И будет именно так восприниматься остальным миром. В условиях же дорожающей нефти и газа нам обеспечена роль «ресурсной кладовой». Даже если мы с этим и не согласны, другие страны все равно будут ставить на первое место запасы газа, нефти, пресной воды и урана. Причина конфликта ясна, и значит, его неизбежность и должна быть поставлена во главу угла стратегии развития до 2020 года. Даже если принять абсурдную, на наш взгляд, стратегию отказа от ставки на энергетику, все равно скрыть запасы ресурсов невозможно. В итоге, если не заложить неизбежность войны, причем как раз не позже 2020 года, то вся стратегия будет бессмысленна.

Чем сильнее будет ресурсный голод, тем будет активнее давление на Россию. Многие страны просто не смогут обеспечить себя ресурсами. Это прежде всего государства Европы и Китай. Поскольку Россия не сможет обеспечить нефтью и газом и Европу, и Китай, одна из сторон вынуждена будет попытаться колонизовать Российскую Федерацию. И это не политические «страшилки», а экономический расчет.

Под постоянные уверения в том, что главное – снять страну с нефтегазовой иглы, мы пропустили момент, когда в стране началось падение добычи нефти. Скоро такая же ситуация может возникнуть и с газом. В итоге главной задачей нашей экономики становится определение приоритетного потребителя российских энергоресурсов. И это не столько тактический выбор экономического характера, сколько стратегический выбор политического партнера. И он будет иметь довольно серьезное значение. В среднесрочной перспективе нам придется говорить не столько о диверсификации, сколько о возможном перенаправлении поставок с Запада на Восток. И именно эта тема, таким образом, будет ключевой в политической повестке дня для России. На данный вопрос необходимо найти ответ – в противном случае мы столкнемся с ростом противоречий внутри российской политической элиты.

Для мировых держав ситуация на нефтегазовом рынке будет носить характер конкурентной борьбы. Победитель неизбежно будет отнимать ресурсы у побежденного. Распределить их в равной степени не удастся. Показательно, что все глобальные игроки сегодня предлагают проекты как разработки нефтегазовых месторождений в России, так и экспорта нефти и газа в свою сторону. Задача – привязать российские нефть и газ к своим собственным рынкам.

Лозунг «добудем столько, сколько будет нужно» не выглядит сегодня абсолютно реалистичным.

По крайней мере, по двум причинам – из-за стагнации в добычном сегменте и роста внутреннего спроса, подогреваемого как увеличением промышленного производства, так и увеличением благосостояния населения. Внутренний рынок становится альтернативой экспорту, что очень ярко проявилось в 2008 году.

Значит, выход на новые рынки чреват сокращением поставок традиционным потребителям, то есть начало масштабных поставок нефти и газа в Китай будет означать сокращение поставок в Европу. Вопрос в том, соответствует ли это нашим энергетическим приоритетам или нет.